

Звездный билет Олега Даля

*Ил. 1. Олег Иванович Даль
(1941–1981).*

*Как молоды мы были,
Как искренне любили,
Как верили в себя...*

Н. Добронравов

Есть художники, чье явление миру сравнимо со светом ярко вспыхнувшей, неповторимой и одинокой звезды. Именно таким явлением представляется судьба и творчество гениального Олега Даля, одного из прекрасных, удивительных, но и противоречивых, а скорее непонятых до конца артистов советского кино и театра. Казалось, он был разным: веселым и замкнутым, беззащитным и гордым, грустным и мучительно глубоким, но, главное, удивительно талантливым и очень честным, при этом весьма неудобным для одних и крайне необходимым для других. Артист и интеллигент.

В начале своего пути Олег походил на художников, живших в конце XIX века на Монмартре: некоторая взбалмошность, редкостная чистота взгляда, удивительная открытость, нередко каприз, но при этом невероятная дотошность во всем, что касалось профессии, и огромное желание сделать этот мир прекрасней. И от себя, и от других этот юный творец требовал совершенства, не меньше. Его почти моцартовское стремление к высокому и прекрасному походило на манию. Один из талантливейших актеров своего поколения, Даль каждый свой образ не просто идеально отыгрывал, но и приносил в него частичку себя. Эдвард Радзинский, например, говорил, что «Олег Иванович каждую свою роль не играл – он проживал ее, с болью, нервами и слезами в горле» [1]. Если он не мог жить своим персонажем, не мог влезть в кафтан чужой судьбы, то он даже и не старался. Как и многие творческие увлекающиеся личности, Даль был полон сиюминутных причуд и совершенно алогичных мыслей, метаний и горьких размышлений. Его биография, вернее жизнь – это удивительный клубок событий и эмоций, которые нередко подменяли друг друга. Тот же Радзинский говорил, что «самое трудное для него было жить не с окружающими, а с самим собой. Больше всего его мучил этот самый Олег Даль» [2, с. 252]. Так

кто же он, Олег Даль, создавший, по мнению одного из своих почитателей, реквием в неполные сорок лет, артист и человек, обладавший тихой несгибаемой стойкостью?

Можно сказать о Дале просто: гениальный артист, не умевший и не желавший мириться, конфликтовавший до муки с окружающей его действительностью, в которой вынужден был жить и творить, отдавать свой талант людям. Артист, который, казалось бы, не сумел реализоваться полностью, во всю мощь. Но не действительность он отвергал, как таковую, а людей, создававших эту действительность, людей, не дотягивающих до его личного понимания искусства, профессии, эстетики, не дотягивающих до его уровня, наконец, людей, не умеющих, но при этом желающих руководить театральным или кинопроцессом. Именно это не давало артисту дышать полной грудью, а значит, получать удовлетворение и достойную награду от сделанного им в творчестве. Чувство самосохранения в подобных случаях, позволяющее большинству артистов время от времени «стравливать пар», у Даля, по воспоминаниям его коллег, отсутствовало напрочь. Жизнь в разладе с пространством и временем требует невероятных затрат энергии. Не отсюда ли повторяющийся в разных воспоминаниях об Олеге Дале мотив «мальчика с усталыми глазами»? В результате единственным источником сил для Даля был сам Даль. Все вопросы, не находившие ответа вовне, он обращал внутрь себя. Результатом или, скорее, хроникой исканий и размышлений и стал его знаменитый теперь дневник, начатый в 1971 году. Дневник этот не похож на обычное жизнеописание, привязанное к дням, месяцам и годам. Он напоминает эмоциональный, местами сумбурный диалог с самим собой, написанный (или нарисованный) буквами, словами, фразами разного размера и шрифта. Иногда записи ежедневны, иногда одно предложение охватывает полгода и больше. Скорее всего, дневник помогал жить и выживать Олегу Далу. Однако начало пути этого артиста выглядело весьма успешным и предвещало много побед.

Счастливый билет

Рассказать обо всех ролях Олега Даля нереально. Потому вспомним те его творения в кино и театре, по которым, прежде всего, знают и не забывают артиста Олега Даля. Речь пойдет о том, что, так или иначе, сложило великолепную, горькую и незабываемую творческую судьбу этого уникального человека.

Олег Иванович Даль родился 25 мая 1941 г. в подмосковном Люблине в семье железнодорожного инженера и учительницы. По своей родословной он являлся потомком Владимира Даля. В детстве Олег, как он сам вспоминал в одном из своих интервью, хотел быть и легчиком, и музыкантом, и спортсменом, и художником. В конце концов, профессия актера показалась ему наиболее универсальной. Однажды он даже припомнил, как, впервые прочитав лермонтовского «Героя нашего времени», сказал себе, что «*должен* стать актером, чтобы сыграть Печорина» [3, с. 14]. Эта роль будет им сыграна с таким невероятным внутренним

трагизмом, мучительной проникновенностью и холодной, сдержанной болью, что трудно будет увидеть грань между героем и его исполнителем. Пронзительно-личное чувство вложил Даль в лермонтовский образ.

Ил. 2. О. Даль и А. Миронов. Кадр из телеспектакля «По страницам журнала Печорина» (реж. А. Эфрос, 1975).

В семье Олега, далекой от искусства, желание сына идти в артисты энтузиазма не вызвало. Кроме того, у Олега с юных лет были нелады с буквой «р». Но вот здесь-то, возможно, впервые и проявился характер будущего артиста. Он справился с дикцией, преодолел специальными тренировками свою картавость самостоятельно, без вмешательства медицины.

В 1959 г. Олег поступил в Театральное училище им. М.С. Щепкина, став учеником Б. Бабочкина и Н. Анненкова. Уже со второго курса последовали предложения сниматься в кино. Позднее руководитель курса Н. Анненков вспоминал о том, что «почти не учил Даля, так как он непрерывно снимался» [3, с. 15].

Большинство героев Даля раннего периода творчества – его сверстники, юнцы-интеллектуалы из московской подворотни, которым артист невольно присваивал многие свои черты. Прежде всего, конечно, внешность худого, очень изящного молодого человека, с ясными большими глазами, выразительной, своеобразной пластикой и удивительным, только ему присущим лукаво-нежным, немного грустным и застенчивым обаянием.

Ил. 3. Молодой Олег Даль.

В молодом Дале было и то, что никак не зависело от фактуры и внешних данных. Трепетность, поэтическая вдохновенность. Именно все это помогло актеру *выразить своего героя и время*, проявляющееся в увлеченности искусством, тяготением к спорам, верой в жизнь, в справедливость.

Тогда-то и обратили на Даля внимание сразу два известных режиссера советского кино: Сергей Бондарчук и Леонид Агранович. Первый пригласил его на пробы роли младшего Ростова в «Войну и мир» (пробы Даль, правда, не прошел), второй доверил ему главную роль в картине «Человек, который сомневается». В этом случае все состоялось. Фильм представлял собой психологический детектив и повествовал о том, как после убийства десятиклассницы следственные органы арестовали невинного – приятеля погибшей девушки Бориса Дуленко, которого суд и приговорил к расстрелу. Именно его играл Даль. Образ был настолько достоверно и сильно прожит на экране, что заговорили о недюжинных драматических и даже трагических способностях молодого артиста.

Но началось все в 1962 года с роли Алика Крамера из фильма «Мой младший брат», снятого по очень популярной в те годы повести Василия Аксенова «Звездный билет». В самом разгаре была хрущевская «оттепель». Становилось на ноги новое поколение, чье сознание безоговорочно приняло перемены. Эти молодые были честны и искренни в помыслах, их объединяла вера в то, что от них в этой жизни что-то зависит. Молодые люди этого периода нашей истории, и в том числе творческие личности, обладали самостоятельным мышлением и чувством внутренней свободы. Все это проявлялось ново, ярко, интересно. Артист Олег Даль обладал данными качествами, оставаясь при этом на редкость индивидуальной фигурой в искусстве.

Позднее Александр Збруев – исполнитель роли Димки в фильме «Звездный билет» – вспоминал: «Я всегда считал и сейчас считаю, что утверждение Олега на роль Алика было не просто прямым попаданием – это было более чем стопроцентным попаданием. Поворот головы, мимика, жесты, пластика, реакции – он был Аликом во всем. Думаю, что это и есть та самая “жизнь в искусстве”, о которой так любят говорить. /.../ Олег Даль – самое удачное, что есть в картине» [4, с. 84].

Во время съемок этой картины в Таллине была весьма показательная история, точнее деталь, о которой также вспоминал Збруев. Герой Даля, сидя у стены собора и слушая орган, должен был заплакать. Режиссер Зархи предложил Олегу накапать в глаза глицерину, дабы

помочь оживить момент игры. Артист удивился: «Зачем?.. Это же Бах». И когда заработала камера, у Олега-Алика по щекам градом лились слезы. Это был не технический трюк, а плач его души. Артист полностью жил и чувствовал, как его герой.

Следующей работой молодого актера стала роль в фильме режиссера Исидора Анненского «Первый троллейбус», который снимали на Одесской киностудии. Молодость, море, прекрасный город, целая плеяда молодых веселых актеров: О. Даль, М. Кононов, Е. Стеблов, С. Дорошина, С. Крамаров, Д. Щербаков. Да и сюжет фильма был молодежный и бесхитростный: заводская молодежь каждое утро ездит на работу на одном и том же троллейбусе, водитель которого молодая и симпатичная девушка по имени Светлана. Естественно, юношам она нравится, вокруг этих отношений, а также поисков и размышлений юных героев и вертится весь сюжет. Герой Даля вроде бы узнаваем, но чуть строже, взрослее Алика. Артист вновь завоевал особые симпатии и вновь очаровал своих поклонников. Очень скоро стало очевидным: профессия этого молодого актера – тот счастливый билет, который не всякому юноше удастся вытянуть с первой попытки.

Пришло время, когда в кино Далю все чаще стали предлагать сотрудничество весьма известные режиссеры совсем иных творческих исканий. Так, в 1968–1969 годах он попал сразу к двум корифеям советского кино: Надежде Кошеверовой и Григорию Козинцеву.

*Ил. 4. О. Даль и М. Неёлова. Кадр из к/ф «Старая, старая сказка»
(реж. Н. Кошеверова, 1970)*

Н. Кошеверова позже вспоминала: «Моя первая встреча с Олегом Далем произошла во время работы над фильмом “Каин XVIII” в 1962 г., когда второй режиссер, А. Тубеншляк, посоветовал мне обратить внимание на “удивительного молодого человека, который еще

учится”. И действительно, я увидела очень смешного молодого человека, прелестно делавшего пробу. Но потом оказалось, что его не отпускают из института, к сожалению, в этой картине он не снимался. Когда я начала работать над фильмом “Старая, старая сказка”, Тубенишляк вновь напомнила о Дале. Основываясь на том, что я уже видела его раньше на пробах, и на своем представлении, что может делать Олег, хотя я с ним еще и не была знакома, я пригласила его на роль. Несмотря на все мои предположения, я была удивлена. Передо мной был актер яркой индивидуальности. Он с интересом думал, фантазировал, иногда совершенно с неожиданной стороны раскрывал заложенное в сценарии. Своеобразная, ни на кого не похожая манера двигаться, говорить, смотреть. Необычайно живой, подвижный» [1].

Так состоялись обаятельный Солдат и изумительный, мудрый Кукольник, герои, которые и по сей день притягивают и согревают душевностью, сказочным теплом.

Отдельно хочется выделить роль Даля в фильме В. Мотыля «Женя, Женечка и “катюша”». Это был необычный, очень теплый фильм, и очень светлая роль в исполнении Даля, однако, не всеми принятая, как и весь фильм. По словам режиссера «это был тот редкостный случай, когда артист явился будто из воображения, уже сложившего персонаж в пластический

Ил. 5. Кадр из к/ф «Хроника пикирующего бомбардировщика» (реж. Н. Бирман, 1968)

набросок» [1]. Премьера фильма вызвала интерес у зрителей, но и нарекания критики. На широкий экран картина тогда не попала: было отпечатано минимальное количество копий, а прокат был разрешен только в провинции.

Почти одновременно Олег Даль снимается в другом фильме о войне – «Хроника пикирующего бомбардировщика». Исполнение роли Евгения Соболевского в этом фильме (реж. Н. Бирман) стало важным этапом в кинематографической судьбе Даля.

Благодаря созданному им образу умного, тонкого и обаятельного парня, 27-летний Даль окончательно завоевал сердца не только молодых зрителей, но и старшего поколения и стал одним из самых популярных актеров советского кинематографа.

Вскоре Олег Даль вновь снимается в картине Н. Кошеверовой, вновь исполняя сразу две роли: Ученого и его Тени в фильме «Тень». Ученый – добрый, милый неудачник в потертом бархатном костюмчике, вечный юноша, ждущий встречи с прекрасной любовью, со сказочными

приключениями. Но вдруг приключение оборачивается раздвоением личности, и Тень-Даль мечется среди андерсеновских декораций с длинными ломающимися пальцами, с лицом-маской, с дикими животными повадками. Не все приняли эту роль так, как ее исполнил Даль, нашлось много замечаний, однако зрители полюбили и эту кинокартину, прежде всего благодаря участию в ней Олега Даля.

В целом, роли Олега в кино даже в его начальный период каждый раз демонстрировали огромные возможности этого артиста, его удивительную пластику, скрупулезную дотошность во всем, глубокое проникновение в образ. Почти всегда в ролях начала своего пути Даль был открыт, доверчив и распахнут, но одновременно уже тогда в нем угадывалось особое, трагическое восприятие мира и присущая только ему углубленность в суть образа. Не изменяя себе, он каждый раз был другим, с другой судьбой, с другой душой и характером. Трудно было найти грань, за которой кончался артист и начинался персонаж. Тем не менее, послужной список экранных ролей Даля до обидного мал. То и дело сетуя на отсутствие достойной работы, артист, в то же время с щепетильной разборчивостью и завидным постоянством отказывался от заманчивых и перспективных предложений известных режиссеров, за что и заработал репутацию «неудобного артиста». Причины поступков, ясные для него самого, часто были непонятны окружающим. Не случайно определяющей чертой характера Даля его коллега Михаил Козаков назвал иррациональность, которая с годами проявлялась все сильнее и сильнее. Только теперь понятно, что это была скорее закономерность.

Вскоре Олег Даль сыграл роль, о которой необходимо говорить отдельно. Речь идет о роли Шута в фильме Г. Козинцева «Король Лир».

В дневнике Олега Ивановича есть такая запись: «Не работать с режиссерами, пытающимися навязать свою волю. Но если он командует мной, то у нас должна быть общая платформа» [1]. Режиссером, с которым Даль, безусловно, нашел эту общую платформу, и стал Григорий Козинцев. А встретились они благодаря... беременности Алисы Фрейндлих, которая, будучи тогда на восьмом месяце, не смогла, как предполагалось изначально, играть роль Шута. Тогда Григорий Михайлович пригласил Олега. Картина эта прошла для Даля под знаком «Наконец-то!». Наконец-то режиссер не давил своим авторитетом, а позволял полностью раскрыться дарованию артиста. Наконец-то словами Шекспира актер мог говорить о том, что терзало его самого. О рабстве художника, об искусстве, по словам Козинцева, «загнанном на псарню с собачьим ошейником на шее», о человеческой слепоте и равнодушии.

Козинцев позже в одном из своих интервью так определил роль Шута в исполнении Даля: «Олег Даль – именно такой Шут, какого я представлял: у него лицо мальчика из Освенцима, которого заставляют играть на скрипке в оркестре смертников; бьют, чтобы он выбирал мотивы

повеселее. У него вымученные глаза» [5, с. 192]. Думается, это высказывание стало пророческим по отношению к жизни самого Даля.

Козинцева и Даля связывало также нечто большее, чем отношения режиссер – актер или учитель – ученик. Козинцев и Даль были *единомышленниками*. Режиссер оберегал дарование Олега так, как скрипач оберегает хрупкий и бесценный музыкальный инструмент. Беспощадный к любым нарушителям порядка на съемках, Григорий Михайлович делал исключения лишь для Олега, прощая его частые эмоциональные срывы. Объяснение этому звучало одновременно просто и пророчески: «Мне его жаль. Он – не жилец» [1]. Но Козинцев увидел и другое. Он почувствовал, с каким «тонким и чутким организмом имеет дело. Он увидел не только изящество облика, своеобразную пластику, но и нервно-чувствительный, ироничный мир души, болезненно реагирующий на любые неорганичные его натуре вмешательства извне. Фактически не имея статуса трагического актера, в роли Шута им утвердился» [3, с. 36]. А Даль именно после общения с Козинцевым начал вести свой, позже ставший знаменитым, дневник-исповедь. В этом дневнике спустя пару лет в день смерти Козинцева Даль записал: «День 11.V.73 г. – ЧЕРНЫЙ... Нет ГРИГОРИЯ МИХАЙЛОВИЧА КОЗИНЦЕВА» [1]. Бесспорно, Козинцев был его режиссером. Но другого такого режиссера-партнера больше в судьбе Олега не случилось.

*Ил. 6. Кадр из к/ф «Приключения Принца Флоризеля»
(реж. Е. Татарский, 1979)*

В съемочной группе «Короля Лира» Олег встретил свою будущую супругу Елизавету Апраксину, внучку знаменитого филолога Бориса Эйхенбаума, которая работала у Козинцева монтажером. А познакомившись с Лизиной мамой Ольгой Борисовной, Олег сразу стал называть будущую тещу Олечкой. «Почему я вышла за Олега, хотя видела, что он сильно пьет? – вспоминала позже Елизавета Даль. – С ним мне было интересно... Я думала, что справлюсь с его слабостью. Каким-то внутренним чувством ощущала: этого человека нельзя огорчить отказом» [1]. До этого у Даля был очень непродолжительный брак с актрисой Татьяной Лавровой.

В 1960–1970 годах в послужном списке Олега Даля было немало ролей, о которых стоит напомнить: «Строится мост» (Юлиан), «Удар рога» (Хосе Альба), «Два веронца» (Валентино),

«Земля Санникова» (Евгений Крестовский), «Чацкий – это я!», «Ночь ошибок» (Чарли Марлоу), «Домби и сын» (Картер), «Звезда пленительного счастья» (офицер), «Не может быть!» (Барыгин-Амурский), «Золотая мина» (преступник Косов), «Приключения Принца Флоризеля» (принц), «Расписание на послезавтра» (Андрей Андреевич) и другие.

Каждый раз это было блистательно. Роль словно изучалась и создавалась артистом с умом и кропотливостью ученого. Даже тогда, когда работа происходила вопреки. Случай с «Землей Санникова» тому пример. Идея снять фильм по роману [Владимира Обручева](#) принадлежала сценаристам фильма. Однако режиссер [Альберт Мкртчян](#) решил радикально переработать сценарий и обратился за этим к [Марку Захарову](#), который, кстати, так и не прочёл роман [Владимира Обручева](#). С огромным воодушевлением отнесся к сценарию фильма и исполнитель главной роли [Владислав Дворжецкий](#), надеявшийся на то, что она станет одной из лучших в его послужном списке. Однако этим надеждам не суждено было сбыться: в ходе съемок первоначально серьезный сценарий режиссеры весьма «облегчили». Дело дошло до того, что [Владислав Дворжецкий](#) – исполнитель главной роли и Олег Даль несколько раз хотели покинуть съемочный коллектив. И, к огромному сожалению зрителей, не пришлось Олегу в этом фильме спеть свою знаменитую песню «Жизнь – это миг», за кадром звучал голос О. Анофриева. А пел Даль потрясающе. Впрочем, как и играл или читал стихи своих любимых М. Лермонтова и С. Есенина. Читал так, что буквально мороз по коже... Исполнитель проникал душой самого поэта в слушателя, давая возможность чувствовать то, что чувствовал сам поэт. Казалось, гений Лермонтова перешагнул через время. Вот уж когда действительно понимаешь, что поэзия – это творчество души.

Театральная сцена в жизни артиста

В творческой судьбе Олега Даля было три составляющих: кинематограф, театр и поэзия. В кино он четко занимал свою нишу. Алексей Симонов, которому довелось работать с Олегом над фильмом «Обыкновенная Арктика», называл его «прекрасным мальчиком нашего кинематографа». Театральных подмостков в судьбе Даля было несколько. Он менял сцены театров, что в целом можно определить как поиски и метания. Однако начало на этом поприще выглядело удачным и многообещающим.

В 1963 г. Олег благополучно завершил учебу в театральном училище и какое-то время стоял на перепутье, раздумывая, куда пойти. И тут произошло неожиданное, но и предопределенное, как думалось: побывавшая на его дипломном спектакле актриса театра «Современник» А. Покровская позвала Даля в этот популярнейший тогда театр. Правда, прежде чем попасть на желанную сцену, кандидату требовалось пройти экзамен из двух туров. Но Олег с таким блеском сыграл свои роли в обоих показах, что его тут же зачислили в труппу. Попав же

в «Современник», Даль в течение пяти лет не играл больших ролей, довольствуясь лишь второстепенными. Однако он почти не переживал по этому поводу, так как одно пребывание в знаменитом молодежном театре принималось им восторженно, как очередной счастливый билет и грело его душу.

Среди ролей, сыгранных им в это время, были весьма достойные и успешные. А именно: «Голый король» (Генрих), «Старшая сестра» А. Володина (Кирилл), «Белоснежка и семь гномов» О. Табакова и Л. Устинова (Гном Четверг), «Вечно живые» В. Розова (Миша), «Сирано де Бержерак» Эдмона Ростана (маркиз Брисайль), «Всегда в продаже» Василия Аксёнова (Игорь), «Обыкновенная история» В. Розова по роману И.А. Гончарова (Поспелов), «Декабристы» Л. Зорина (эпизод). Все эти роли были и важны и интересны как актеру, так и зрителям. Но первой по настоящему значительной ролью Олега Даля в этом театре стала роль Васьки Пепла в спектакле «На дне» по М. Горькому (реж. Г. Волчек). Этот образ был создан актером неожиданно и очень сильно. Вор Пепел у Даля, – прежде всего, человек. И человек этот – словно единый и стремительный порыв к счастью и красоте.

Но постепенно жизнь, как водится, вносила свои коррективы. Все было не так просто в мире искусства. Шло время. Первые восторги актера, связанные с приходом в один из самых смелых театров страны, ставший символом свободомыслия и протеста, проходили. Студийный дух театрального эксперимента, питавший артистический талант Даля, постепенно уступал место иным, суровым будням. И переход от восторженного восприятия жизни к скептическому у артиста был довольно резким. В какой-то степени ситуацию эту объясняет коллега Михаил Козаков в своих воспоминаниях о Дале: «Я до сих пор живу памятью о гармонии в театре – это было только в раннем “Современнике” и больше никогда... Там все совпало – молодость, время, состояние театра. Олегу же все время не везло. Он как бы попадал “на спуск”... И в “Современник”, и в другие театры он приходил в тот момент, когда театр уже по существу умирал» [1]. Постепенно мир кулис поворачивался к Олегу Далю изнаночной стороной. Многие в нем стало разочаровывать. Оказалось, что принципиальность отлично уживалась с беспринципностью, фальшь с чистотой, лицемерие с искренностью. Интересно отметить, что в свой первый период пребывания в театре «Современник» Олег был также секретарем комсомольской организации театра. И эти обязанности выполнялись им искренне. Даль готов был не просто работать, а фанатично служить Театру, но на банальное «служить в театре» и только был просто не согласен.

Затем, уже с 1973 г., – второй период работы в Олега Даля «Современнике» – идут сразу четыре спектакля с его участием: «Валентин и Валентина» М. Рощина, «Провинциальные анекдоты» А. Вампилова, «Из записок Лопатина» К. Симонова, «Принцесса и дровосек» М. Микаэляна и Г. Волчек. С Олегом работают такие интересные режиссеры, как

Г. Товстоногов, В. Фокин, И. Райхельгауз, Г. Волчек. А спектакль «Принцесса и дровосек» был первым опытом Даля-режиссера.

Это было время, когда известная «оттепель» сменилась «застоем». А знаменитый устав «Современника» и студийное братство постепенно становились историей. Даль, пытавшийся играть и существовать «по уставу», оказался в одиночестве. Клеймо «одиночки», ярлык «странного», позиция «чужого» – все это превращалось в некий «крест», своего рода карму.. При всем при том, как вспоминал Валентин Никулин, Ефремов очень любил Даля. Хотя внешне не баловал и для труппы его «хлестал, наказывал, как озорного непослушного мальчишку». Но в том- то все и дело, что не был он непослушным мальчишкой. Даль был очень серьезным художником. Прежде всего, *это* следовало в нем увидеть и понять. Многие его коллеги вспоминают, что Олег готовился к роли, как хирург к сложнейшей операции, как маршал, от которого зависел исход сражения. К тому же обладая от природы тонким и сверхчувствительным аппаратом восприятия, Даль не мог сосуществовать с окружающей действительностью на своем эстетическом уровне. В его высказываниях в дневнике о «достижениях соцреализма в театре и кино», о «засилии невежд и сволочей» сквозит подлинное физиологическое отвращение. Ему было «тошно от неправды», как вспоминал о нем Л. Агранович. Зато во всем подлинном он чувствовал себя замечательно. Это свойство настоящих артистов.

Есть в дневнике Даля одна очень характерная для него запись, раскрывающая многое в личности Олега и объясняющая суть вещей: «Январь 1972 г. ДРУЗЬЯ... “Больней всех ран – невидимая рана, мой друг – мой враг, о подлый век обмана!”. В. Шекспир. Горе мое и беда моя от друзей моих. Только сейчас я это понял... Борьба с этими сволочами предстоит ужасная... Может быть, ОДИН? Может быть. Но себя! Хранить себя. Это ГЛАВНОЕ. Не приспособиться, не обезразличиться. Обратиться внутрь – там моя сила, моя земля обетованная» [6, с. 277].

Напряженные отношения Даля с руководством и частью труппы «Современника» периодически возникали на протяжении всех трех лет его повторного пребывания в этом театре. Причем во многих случаях, как считают многие его коллеги, виноват был сам актер, так и не научившийся сдерживать свои эмоции. Вот лишь один случай. В 1975 г. во время спектакля «Валентин и Валентина» Даль внезапно присел на краешек сцены и, обращаясь к сидевшему в первом ряду мужчине, попросил: «Дай прикурить!». Тот, естественно, дал, резонно посчитав, что в этом спектакле такая сцена в порядке вещей. И по этому поводу руководством было созвано общее собрание труппы, где актер за его «хулиганский поступок» получил выговор.

В 1975 г. семье Олега после некоторого разлада и разрыва удалось вновь воссоединиться: обменяв ленинградскую квартиру, они втроем въехали в квартиру в конце Ленинского проспекта. И хотя новая жилплощадь была крохотной, сам факт долгожданного воссоединения

радовал и вдохновлял новоселов. В этом же году Даль вновь работал в театре «Современник». В спектакле «Двенадцатая ночь» Олег играл Эндрю Эгьючийка. Но блистать в этой роли, которой сам артист очень дорожил, Далю пришлось не долго: в начале следующего года его уволили из «Современника». Хронология тех событий выглядела следующим образом. 24 января 1976 г., будучи на дне рождения у В. Шкловского, Олег нарушил «сухой закон». А в начале марта его уволили из театра за систематические нарушения трудовой дисциплины. Даль тяжело переживал свой уход из «Современника».

Однако вскоре мог состояться дебют Даля на сцене МХАТа, куда его пригласил О. Ефремов, чтобы сыграть роль Пушкина в спектакле «Медная бабушка» по пьесе Л. Зорина. Даль очень активно репетировал новую роль; многие, видевшие эти репетиции, считали, что в ней актера ждет несомненная удача, однако в какой-то момент он дрогнул. Постановка ему вдруг разонравилась, и он вышел из нее, Ефремову пришлось играть эту роль самому.

Уйдя из «Современника» окончательно, Даль внезапно решил посвятить себя режиссуре и поступил на Высшие режиссерские курсы во ВГИК в мастерскую И. Хейфица. Почему он решил стать режиссером, объяснять, видимо, не надо: терпеть диктат «разных бездарей» Олегу становилось все труднее. Но что-то у него опять не заладилось и на этом поприще. Он исправно посещал занятия, но мысленно уже подбирал для себя другое место обитания.

Стоит отметить, что многие резкие поступки Даля были продиктованы его давним пристрастием к алкоголю. О загулах Даля в киношной тусовке ходили буквально легенды. Жена Олега так вспоминает об этом: «Я думаю, что он стал пить в “Современнике”. Там пили многие: кто посерьезнее, кто в шутку. Постепенно это его затянуло... Он не слабый человек, наоборот, очень сильный. Но в его случае это, к сожалению, превратилось в болезнь...» [1].

В 1975 г. А. Эфрос дает возможность осуществиться давней мечте Олега Даля, предлагая ему сняться в телеспектакле «По страницам журнала Печорина». Встреча с А. Эфросом вновь вернула Даля в лоно театра. Он пришел в «Театр на Малой Бронной», где сыграл разные роли, возможно, многие из них неожиданные для поклонников этого артиста, в том числе Алексея Николаевича Беляева («Месяц в деревне» И. Тургенева), который, словно ветер, врывается в неподвижность и томительность дома Ислаевых. «Он был душевно очень высокий человек. Очень жесткий, а за этой жесткостью – чрезвычайная тонкость и хрупкость», – так видел и оценивал актера А. Эфрос [1].

И вновь запись из дневника Олега Даля: «Как стать единственным? Где неповторимость? В чем она?». Его желание неповторимости, утверждение собственной уникальности, придрчивость к партнерам многие с раздражением называли «манией величия». Иной диагноз поставил драматург Эдвард Радзинский, вспоминая об их совместной работе в Театре на Малой Бронной, где одновременно ставились две его пьесы – «Продолжение Дон Жуана» и «Лунин».

Обе главные роли репетировал Даль. Но не сыграл... Ни Лунина, ни Дон Жуана. Накануне премьеры одного из спектаклей Даль попросту... сбежал из театра. Подал какое-то невнятное заявление, не отвечал на телефонные звонки. Пытаясь спасти положение, Радзинский пришел к Далю домой. «Я унижался, я его просил, – вспоминал Радзинский, – мы не были друзьями, но в момент репетиций самые близкие люди – это автор, режиссер и актер, который играет главную роль. Мы были тогда все друг для друга. Он косноязычно объяснял мне что-то. Он говорил о каких-то несогласиях с режиссером. Но я понял... Он был болен одной из самых прекрасных и трагических болезней – *манией совершенства*. Он знал, как это играть надо, но нельзя было на этом безумном темпераменте, на этой беспредельной боли и нерве, на этих слезах в горле провести всю роль – так можно было только умереть» [1]. Именно Радзинский, поняв творческую и человеческую натуру Олега Даля, сказал о желании совершенства в искусстве, в то время как другие в его желании неповторимости, утверждении собственной уникальности, придирчивости к партнерам видели лишь излишнюю гордость и манию величия. Даль же был глубоко честен и углублен в своем деле.

Почему же Даль ушел и из этого театра Эфроса? Кое-кто склонен видеть здесь интриги внутри театра, например в противостоянии Олега Даля и актрисы Ольги Яковлевой – примы театра и любимицы главного режиссера. Рассказывают, что Эфрос собирался ставить «Гамлета», где обещал Олегу главную роль, но тот заявил, что не хочет в этом участвовать, так как спектакль все равно будет про Офелию (в этой роли должна была играть именно Яковлева).

Можно попытаться найти ответ на вопрос «почему же» и в дневниках Даля. Вот что он записал в нем в августе-октябре 1977 года: «Эфрос ясен как режиссер и как человек. Просто ларчик открывался. Как человек – неприятен... Как режиссер – терпим, но, боюсь, надоест... С одной стороны, ему нужны личности, с другой – марионетки. Вернее, так: он мечтает собрать вокруг себя личности, которые, поступившись своей личной свободой, действовали бы в угоду его режиссерской “гениальности”, словно марионетки. Он мечтает не о “содружестве”, а о диктатуре» [1].

После ухода из Театра на Малой Бронной Даль поступил в труппу Малого театра, где его вскоре ввели на роль Алекса в спектакле «Берег» по Ю. Бондареву. Но особой радости это ему не доставило. В дневнике этого периода есть запись: «Я в Малом. Вроде бы в нелюбимый дом вернулся. Что значит нелюбимый? Вот стоит дом в лесу на берегу тихой речки, и родился я там, и вырос, и хорошие люди его населяют, а душе неуютно. Брожения чувств нету... И думаешь – а не на кладбище ли живешь?» [1]. В начале 1981 г. Даль начал активно репетировать роль Ежова в постановке Малого театра «Фома Гордеев». Роль ему нравилась, однако для себя он уже четко решил: сыграет премьеру и из этого театра тоже уйдет.

Метания артиста и поиски своего театра, конечно же, не прихоть. Это все то же стремление к совершенству, поиски единомышленников, способных и готовых существовать с ним на одном дыхании.

Высказанное и несостоявшееся

Если театральная жизнь у Олега Даля при наличии изумительно сыгранных образов не состоялась так, как могла бы, то определенные роли в кино становились событием в культурной жизни страны XX века.

Надо сказать, что многие предлагавшиеся ему роли, артист изначально отвергал. Когда он чувствовал, что сыграет все, но что-то его не устраивало в себе, что-то у него не складывалось во внутренней и внешней гармонии, очевидно, этот камертон и сбавывал. Тогда Даль не хотел, отказывался.

*Ил. 7. Кадр из к/ф «Утиная охота»
(реж. В. Мельников, 1979).*

Но были роли не только состоявшиеся, но и выстраданные, высказанные им так красноречиво, правдиво и пронзительно, что стали событием и явлением в нашей художественной жизни. Выход на экран фильма «Отпуск в сентябре» по пьесе А. Вампилова «Утиная охота» (реж. В. Мельников, 1979) – одно из таких событий.

В свое время Даль много сказал о герое 1960-х годов. Именно от этих мальчиков с их жадной перемен и невозможностью что-либо изменить пошла тема человека, попавшего под общественно-социальный пресс и растерявшегося под его натиском. На главном герое Зилове, которого и играл Даль, лежала печать высокой одаренности. Казалось, он мог бы писать чудесные стихи или сочинять песни. Но с первых секунд появления на экране этого героя он будто знает, что погибнет. Более того, сознательно стремится к этому. Невмочь не то, что бы жизнь, а рутина, бесцельная однообразность будней, тоска и неясность цели: ради чего. Одиночество и одинокость человека среди, казалось бы, друзей, близких. В самом ритуале утиной охоты, в ее ожидании улавливалось что-то судорожное, нелепое, как нелеп этот отсчет уже не дней, не часов, – минут. Тема одиночества, нереализованности, или кризиса среднего возраста характерна для советского кино 1970-х годов. Можно вспомнить роль Олега

Янковского в фильме «Полеты во сне и наяву». Оба эти фильма оказались очень близки зрителям. Хотя такая тема, в общем-то, чеховская.

Обычное состояние почти всех героев Даля – неприкаянность. Они не могут найти себя в окружающем мире, а главное, найти себя в себе. Им свойственно созерцание и самоуглубление. Все это было близко и свойственно и самому актеру. Как говорится, знакомо до слез. Но в то же время в своих ролях Даль был удивительно открыт, подчас буквально обнажен душой. Об этом его свойстве вспоминают многие его коллеги, работавшие с ним. Но при этом артист обладал особым, трагическим восприятием мира. И очень рано начал думать о смерти, он как будто предчувствовал ее.

В кинематографе Даль нередко отказывал режиссерам, чей профессионализм сомнений не вызывал. Но здесь уже речь шла о личных и очень жестких критериях выбора роли самим Олегом Далем. Так, прочитав сценарий «Иронии судьбы...», сразу сказал Рязанову: «Не мой герой». А ведь Рязанов только его видел в роли Жени Лукашина. И думается: ах, как бы мы полюбили такого Лукашина-Даля. Артист очень хотел сыграть Хлестакова, но от предложения Гайдая сняться в его фильме «Инкогнито из Петербурга» отказался. «Не по пути с режиссером», – таков был вердикт артиста. С Динарой Асановой, приглашавшей Олега на фильм «Беда», не сошелся во взглядах на характер главного персонажа – хронического алкоголика. Эту роль сыграл А. Петренко. Так же Даль удачно пробовался у В. Наумова на роль Тиля. Однако, почувствовав, что на экран перенесению подлежит каждая буква романа, заскучал и играть не стал.

Малым экраном, с мизерным количеством копий прошел фильм А. Эфроса «В четверг и больше никогда» с замечательным дуэтом Олега Даля и Иннокентия Смоктуновского. Работа Даля, как и сам фильм, казались уникальны; до боли жаль героя Олега, несмотря на его жесткость, даже жестокость, все буквально щемит в груди и одновременно отвергает поступки и жизнь этого молодого человека – современного Печорина.

В дальнейшем Даль продолжает так же придирчиво отбирать «свои» роли. Киноначальство подобная разборчивость весьма раздражала и, в конце концов, сильно аукнулась Далю в истории с фильмом А. Митты «Экипаж». Режиссер предложил артисту роль, которую позже сыграл Леонид Филатов. Олег, прочитав сценарий, подумал и отказался. Посчитал, что этой ролью ему нечего сказать. Разошлись мирно, без обид. Однако руководство «Мосфильма» решило наказать строптивца. По негласному распоряжению в течение трех лет снимать актера в фильмах данной студии было запрещено.

Вскоре, однако, Далю удалось осуществить одну свою мечту в кино, сыграв советского разведчика в телефильме «Вариант “Омега”» (который в актерских кругах сразу переименовали на «Вариант Олега»). Съемки закончились в 1974 г., но премьера по непонятным причинам, а

скорее по понятным, отодвинулась почти на год. Зато с этим фильмом артист, десять лет будучи невыездным, съездил-таки за границу на фестиваль «Злата Прага». В своем дневнике Даль писал об этой роли, что просто представил себя в подобных обстоятельствах и прожил эти обстоятельства так, как считал нужным. Сам артист любил свою работу в фильме «Вариант “Омега”».

Важной и интереснейшей работой стала роль Лаевского в экранизации чеховской «Дуэли» режиссером И. Хейфицем. Здесь Даль работал бок о бок с Владимиром Высоцким. Многие (и тогда, и сейчас) ставят имена Даля и Высоцкого рядом. В фильме «Плохой хороший человек» это был «актерский дуэлет», идеальное двойное попадание в роли, идеальное взаимодействие в дуэте. Кто-то лихо сформулировал: «Высоцкий – слабый в своей силе, и Даль – сильный в своей слабости». Работа Даля в данной картине настолько неповторима, современна и настолько от себя, что артист становится и исполнителем роли и одновременно соавтором ее.

С Высоцким они не были приятелями на каждый день, общались редко, не дружили домами, но духовная связь меж ними была удивительная и прочнейшая. Они понимали, чувствовали друг друга. Даже в движении к смерти и у того и у другого была какая-то дьявольская синхронность. В феврале 1980-го Даль обмолвился о том, что «сначала уйдет Володя, потом – я».

В мае 1980 г. Даль провел у Высоцкого три дня, без отрыва слушая его стихи. Но больше они не виделись. Фотография, датированная июлем 1980 г.: Даль на похоронах Высоцкого. Если заглянешь в глаза, увидишь там обреченность. 25 января 1981 года, в день рождения Высоцкого, Даль рассказал жене свой сон: «Мне снился Володя. Он меня зовет» [7]. А своему врачу сказал, что теперь ему ничего не поможет, ведь он не хочет больше ни сниматься, ни играть в театре. Январем 81-го датировано и стихотворение «Сейчас я вспоминаю...» с посвящением «В. Высоцкому. Брату».

Тем временем, травля на «Мосфильме» для Олега Даля по-прежнему продолжалась. В это время уже начало сдавать здоровье: сердце, легкие... В. Трофимов вспоминает: «С горечью вспоминается наша последняя встреча. Весной 1980 г. я приехал к нему со сценарием об А. Блоке. Дверь открыл *измученный*, с запавшими глазами человек, в котором было трудно узнать *лучистого*, всегда элегантно-подтянутого Даля. Разговор был тяжелый. “Я очень хочу, но, наверное, не смогу взяться за ту работу... Я не могу пока ничем заниматься... Они добились меня...” Слово за словом выдавил я из него возмутительную историю травли актерским отделом “Мосфильма”. Как был раним этот гордый человек...» [7].

В 1980 г. режиссер с «Мосфильма» Леонид Марягин приступил к работе над картиной «Незванный друг». Фильм рассказывал о двух молодых ученых: Викторе-Свиридове и Алексее

Грекове. Первый из них был бескомпромиссен, второй – гибок, изворотлив. О конфликте между ними и повествовала картина.

На роль Свиридова первоначально был утвержден Александр Кайдановский. Однако, прочитав сценарий, он от роли отказался, посчитав, что фильм с таким сюжетом – заведомо непроходной. Режиссер стал перебирать в своей памяти фамилии других и, в конце концов, остановил свой выбор на Дале. Но заведующий актерским отделом В. Гуревич заявил, что на его студии Даль играть не будет, и устроил артисту, пришедшему к нему на прием, хамскую экзекуцию, отчитав Даля, словно нашкодившего мальчишку. Огромных усилий стоило тогда Олегу выдержать все это молча.

Л. Марягин вспоминал позднее: «Я послал ему (Далю) сценарий в Ленинград, где он тогда снимался, с запиской: “Прошу читать роль за словами и между слов”. Олег дал согласие пробоваться, приехал и во время первой же встречи сказал враждебно: “Я всегда читаю роль между слов. Но хотел бы знать, о чем вы будете делать картину”. Я начал излагать, а Олег слушал с непроницаемым лицом. Говорить было трудно. Моя экспликация, наверное, походила со стороны на отчет подчиненного перед начальником. Закончив, я ожидал “приговора” Даля. Но он не стал долго разговаривать, открыл сценарий и с ходу сыграл сцену, точно поймав способ существования своего будущего героя – Свиридова. А затем заключил: «Если мы говорим про человека, который не верит, что доброе дело в его среде может совершиться, и последний раз пытается убедиться в этом, – давайте пробоваться! Только вряд ли меня вам утвердят!» [1]. Однако утвердили. Да еще какая роль, состоялась! Это была еще одна удача Олега Даля. Как оказалась, последняя.

Вскоре ему внезапно пришло предложение с киевской киностудии сняться в лирической комедии. Видимо, оно заинтересовало актера, и он дал свое согласие на пробы. 1 марта 1981 г. он отбыл из Москвы в столицу Украины. Но прожил он там недолго – 3 марта в номере гостиницы его настигла смерть. По словам Леонида Маркова, снимавшегося в том же фильме, все выглядело следующим образом. В тот день они встретились с Далем в гостинице, и тот произнес таинственную фразу: «Пойду к себе умирать». Актер принял это за очередную мрачную шутку своего коллеги, усмехнулся и тут же забыл о ней. А Олег поднялся к себе в номер, открыл бутылку водки и влил в себя смертельную (так как в нем была «вшита» очередная «торпеда») дозу алкоголя. Как известно, после такого нарушения режима у больного человека поднимается сильное давление и сосуды не выдерживают – лопаются. Происходит внутреннее кровоизлияние, после чего – смерть. Если эта версия действительно верна, то получается, что Даль сознательно приблизил свою кончину. Зная о том, как в последние месяцы жизни актер мучился от безысходности, можно поверить в то, что это правда.

Похороны актера состоялись через несколько дней в Москве, как он и предполагал, на Ваганьковском кладбище.

Олег Даль не имел званий и наград. Не был лауреатом. Он был Артистом. Как творческая личность Даль не простаивал никогда, даже в минуты затишья кино или театральных работ, он пробовал себя в режиссуре, драматургии, писал стихи, изумительно пел, аккомпанируя себе на гитаре. К счастью, сохранились рукописные архивы, записи песен, дневник.

Позже Валентин Гафт вспоминал, как в марте 1981 г. он лежал на операционном столе с иглой для пункции в позвоночнике и кто-то сказал: «Умер Даль». «Тут я понял, что должен что-то предпринять, иначе тоже умру. С иглой в спине я встал, подошел к окну и очень осторожно начал вдыхать морозный воздух. Мне казалось, еще минута – и у меня разорвется сердце» [1].

* * *

Характер и судьба всегда крепко связаны между собой. В жизни Даля судьбу определял не только характер, но и талант, прежде всего. Как-то артист сказал, что «талант – это вера в себя». А кроме этого еще и ответственность и совесть, которые были присущи Далю в высшей степени. Его первое появление на экране в далекие 60-е годы прошлого века невозможно забыть: пронзительная чистота, ясность взгляда, беззащитная улыбка, ломкость. А среди последних фотографий артиста есть такая: ссутулившись, слегка наклонив голову, выходит он со студентами ВГИКа (Даль преподавал там последние годы в мастерской А. Алова и В. Наумова, считая, что должен отдать все, что «накопилось внутри», так как «через то, что я снимаюсь, играю в театре, – я все отдать не могу») [7, с. 407]. Благородный, исполненный элегантно изящества облик полон сдержанности и неприступности, похоже усталости. Между этими лицами, принадлежащими одному человеку, тот самый миг, который называется жизнь. Жизнь артиста Олега Даля и его загадка. Таким Даля и запомнили. Так он и ушел, унеся с собой свою тайну, свое многое невысказанное.

Список литературы:

1. *Раззаков Ф.* «Звездные трагедии: загадки, судьбы и гибели» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.peoples.ru> (дата обращения: 24.12.2010).

2. *Радзинский Э.* Странная судьба // Олег Даль. Воспоминания. Стихотворения. Письма / Составитель Н. Галаджева, А. Иванов. – М.: Эксмо, 2002. ДАЛЕЕ: Олег Даль... С. 247–253.

3. *Галаджева Н.* Фрагменты одной биографии // Олег Даль... С. 10–40.

4. *Збруев А.* Мой сверстник Олег Даль // Олег Даль... С. 83–90.

5. *Козинцев Г.* Об Олеге Дале // Олег Даль... С. 191–194.

6. *Лутохина Т.* Потомок Владимира Даля // Олег Даль... С. 273–280.

7. *Даль Е.* Олег Даль во ВГИКе // Олег Даль... С. 406–440.

Сведения об использованных иллюстрациях:

Иллюстрация содержания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.photo.peoples.ru/art/cinema/actor/oleg_dal/ (дата обращения: 24.12.2010).

Ил. 1, 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/acter/m/sov/1191/foto/86627/> (дата обращения: 24.11.2011)

Ил. 2-5, 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.photo.peoples.ru/art/cinema/actor/oleg_dal/ (дата обращения: 24.12.2010).

Источник: *Культура в современном мире.* — 2011. — № 5-6. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>